
ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ НАСИЛИЯ КАК МЕГАТРЕНД СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Балашова Н. А. *

На протяжении культурно-исторической эволюции происходит постепенная виртуализация насилия – изменяется пропорция его физических (особенно смертоносных) и нефизических форм. Данный процесс обеспечивается возможностью отсроченного психического ответа и феноменом переадресации агрессии. Автор доказывает, что относительное сокращение смертоносного насилия обеспечивалось его последовательным вытеснением в искусственно созданные виртуальные пространства.

Ключевые слова: *насилие, антропологические константы, техно-гуманитарный баланс, виртуальность, воображение, переадресация, отсроченный ответ, творчество, сублимация, СМИ.*

Throughout cultural and historical evolution, a gradual virtualization of violence takes place accompanied by the reducing rates of its physical (especially lethal) and non-physical manifestations. This process is supported by the opportunities of a delayed mental response and the phenomenon of redirected aggression. The author argues that the relative reduction of mortal violence has been provided by its successive shift into the artificially created virtual spaces.

Keywords: *violence, anthropological constants, techno-humanitarian balance, virtuality, imagination, redirection, delayed response, creativity, sublimation, media.*

Согласно данным ООН и ВОЗ, суммарные показатели бытового и военного насилия в первом десятилетии XXI в. уступали количеству самоубийств за тот же период [World... 2002; Global... 2011]. Поскольку население Земли в те годы приближалось к 7 млрд, столь низкие показатели *коэффициента кровопролитности* (среднее число убийств в единицу времени к численности населения) можно считать «историческим рекордом ненасилия» [Назаретян 2017: 95]. Статистика бытовых убийств в 2012 г. – 7,1 человек на 100 000, самоубийств – 11,4 на 100 000, военных потерь – 1,7 на 100 000 (в абсолютных показателях 500 000, 800 000 и 120 000 человек соответственно) [Global... 2017].

С 2013 г. ситуация начала меняться в худшую сторону, и в последние годы наблюдается существенное обострение напряжения на международной арене.

---

* Балашова Наталья Александровна – диссертант Университета «Дубна». E-mail: balashova-natalia@bk.ru.

В июне 2016 г. состоялся 161-й Нобелевский симпозиум, посвященный оценке вероятности новой мировой войны. Участвовавшие в обсуждении эксперты пришли к неутешительному выводу, что при усилении наметившихся в последние годы тенденций очередная крупномасштабная война неизбежна.

Катализатором дискуссии на уровне Нобелевского комитета стала теория «длительного мира», подробно описанная в книге С. Пинкера [Pinker 2011], и последовавшая ее критика, вылившаяся в жаркие научные споры. Помимо анализа солидного статистического материала, касающегося снижения показателей бытового и военного насилия, в данной работе дается оптимистическая оценка текущей и прогнозируемой ситуации на международной арене, основанная на экстраполяции 70 лет «долгого мира», наступившего после окончания Второй мировой войны.

Действительно, с 1945 г. в мире было зафиксировано всего четыре официально объявленных войны, однако, по оценкам экспертов, на фронтах холодной войны погибло до 25 млн человек [Назаретян 2017: 214]. Но поскольку театр военных действий разворачивался в отдаленных уголках планеты, в западном сознании сформировалась иллюзия беспрецедентно мирного времени. Этому немало способствовала и политическая риторика, окрестившая вооруженные вторжения такими эвфемизмами, как «помощь братским народам», «борьба за установление демократического режима», «упреждающий удар», «гуманитарные бомбардировки» и т. д.

Выход книги Пинкера совпал по времени с обострением ситуации на Ближнем Востоке, что привело к критике в ее адрес. Споры разгорались все с большей силой, и их апофеозом стал вышеупомянутый Нобелевский симпозиум. В частности, в ходе обсуждения было зачитано два доклада, призванных опровергнуть теорию «длительного мира».

Автор первого доклада – американский политолог Б. Браумёллер. Используя сложную методику вычислений, учитывающую военные возможности различных стран, их географическую близость, тип режима, степень политической значимости, а также проанализировав данные о частоте военных конфликтов предыдущих исторических периодов, он вычислил статистическую вероятность начала новой войны, утверждая, что относительно спокойный период мировой истории – не что иное, как промежуток между двумя крупными военными кампаниями [Brautmoeller 2016]. Согласно Браумёллеру, сокращение военных потерь не означает снижения воинственности. В качестве основной метрики он предлагает использовать не численность военных жертв, а количество произошедших боевых конфликтов, поскольку потенциально каждый из них мог привести к масштабной войне.

С точки зрения политической психологии наблюдаемая в последние годы тенденция служит классической иллюстрацией *массового комплекса катастрофофилии* – иррационального желания «маленьких победоносных войн», возникающего на фоне качественного улучшения жизни и длительного отсутствия серьезных потрясений. Эта психическая эпидемия была описана немецким политологом П. Слотердайком, изучавшим настроения европейцев в преддверии Первой мировой войны [Sloterdijk 1983].

Длительное затишье и становление культуры потребления, а также размывание жизненных смыслов привели к настроениям, способствующим обострению

ситуации на мировой арене и возникновению локальных очагов военных конфликтов. Вопреки этому огромное значение имеет вторая часть утверждения Браумёллера, а конкретно тот факт, что каждый из этих конфликтов потенциально мог спровоцировать крупномасштабные боевые действия, однако не привел к ним. Именно это должно стать предметом пристального анализа. При уровне развития современной военной техники, грозящей в случае применения уничтожением мировой цивилизации, жизненно важной задачей становится выявление механизмов, способствующих сдерживанию агрессивных импульсов, не только на уровне индивидуального сознания, но и на международной арене.

Еще один зачитанный на симпозиуме доклад стал результатом совместной работы экономиста и математика, автора теории «черного лебедя»^{**} Н. Н. Талеба и профессора Делфтского технического университета П. Сирилло. Как и в докладе Б. Браумёллера, основной критике подверглись статистические данные С. Пинкера. В качестве альтернативы для оценки реальных угроз была предложена теория экстремальных значений – методика статистического анализа, призванная обнаружить вероятность редких, но крайне важных событий, в том числе и мировых войн [Cirillo, Taleb 2015: 29–45].

В целом выводы Талеба и Сирилло совпали с прогнозами Браумёллера. Тем не менее точка в обсуждении не была поставлена. В первую очередь это связано с тем, что прогнозирование мировых войн все же несколько выходит за рамки статистического анализа и линейной экстраполяции, свойственной классическому научному знанию. К важнейшим достижениям неклассической науки относится признание роли в развитии событий случайности, нелинейности и субъективных факторов.

Классическая иллюстрация преодоления инертности истории – выход из Кризиса Каррибского кризиса, грозившего в случае обострения обвалом системы. Договоренность, достигнутая несколькими десятками людей, обеспечила сохранность цивилизации. Этот пример наглядно демонстрирует роль ментальных факторов, неуклонно возраставших на протяжении истории. Значительная роль субъективного воздействия несет в себе как возможность выхода из конфликта, так и угрозу его возникновения. При снижении качества политической мысли, когда громкие заявления делаются не в интересах государств или мирового сообщества, а с целью самопиара и повышения рейтингов, эта угроза многократно возрастает. Как еще ранее заметил эксперт по статистическому измерению политического насилия Д. Ульфельдер, «результаты исследований Талеба и Сирилло показывают, что мы не можем доказать изменение риска войны, но не доказывают само по себе то, что этот риск не изменился» [Ulfelder 2015].

Отметим, что споры о социально-исторической динамике насилия велись и раньше. Концепция снижения показателей физического насилия остается предметом активных дискуссий не только в научном сообществе, но также в политике и общественной публицистике на протяжении нескольких десятилетий. Изначально факт сокращения насилия в истории был количественно зафиксирован немецким социологом Н. Элиасом в конце 1930-х гг. [Элиас 2001], а впоследствии много-

---

^{**} «Черный лебедь» – теория, рассматривающая статистически труднопрогнозируемые и редкие события, которые имеют значительные последствия.

кратно подтвержден независимыми социологическими и антропологическими исследованиями, в том числе и российских ученых.

По мере появления новых, все более объемных, системных и конкретных данных возрастало число не только сторонников, но и противников концепции. Традиционная аргументация критиков построена на анализе *абсолютных* показателей динамических рядов бытового, криминального, военного насилия, то есть не учитывает численность населения на анализируемых исторических этапах, что приводит к драматическому искажению общих выводов. Использование *относительных* показателей, способствующих получению более объективных данных, позволяет судить о действительной исторической динамике физического (точнее – смертоносного) насилия.

Согласно расчетам С. Пинкера, насильственной смертью в первобытных поселениях погибало от половины до двух третей жителей, в *XIV и XV вв. в Лондоне жертвами насилия становились 55 человек на каждые 100 000 населения, в Оксфорде – 100, в Амстердаме – 50, в Риме – от 30 до 70. Сегодня ежегодная статистика убийств в Риме – 1 человек на каждые 100 000 населения, в Лондоне и Осло – 2 человека. Таким образом, за последние несколько веков количество убийств в европейских странах снизилось в 50–100 раз* [Pinker 2011].

Там же приведены подсчеты жертв татаро-монгольских нашествий в XIII в., превысивших 40 млн человек [*Ibid.*: 291]. Эта цифра сопоставима с 55 млн погибших во Второй мировой войне. При этом численность населения планеты в эпоху монгольских завоеваний составляла лишь седьмую часть от населения середины XX в., а жестокость, с которой агрессоры убивали своих жертв, порой вырезая целые города, значительно превосходила ужасы нацистских пыток и концентрационных лагерей.

XVIII–XIX вв. стали относительно мирным периодом европейской истории, в то время как в других частях света не утихали внутренние и колониальные войны. Если в XX в. европейские военные потери составили 65–70 % военных жертв всей планеты, то в XIX в. (5,5 млн погибших, согласно расчетам Б. Ц. Урланиса [1994]) этот показатель составлял 5–7 % [Назаретян 2017: 99]. Так, во всех колониальных войнах XIX в. погибли 106 000 европейцев и миллионы коренных жителей, общее число которых трудно поддается подсчету.

Мнения экспертов расходятся и по поводу количества военных жертв в Китае в XIX в. По расчетам китайских историков, суммарное число погибших в процессе Опиумных войн и Тайпинского восстания колеблется в пределах от 60 млн до 100 млн человек [Там же: 98]. Однако, поскольку данные события были удалены от Европы, европейским историкам этот период запомнился как эпоха относительного мира и гуманизма. Комплексный анализ позволяет иначе взглянуть на реалии XX в. и увидеть действительную историческую динамику.

Выводы о сокращении насилия в истории подтверждают также антропологические и этнографические исследования. В ходе длительного изучения племен индейцев Амазонки и Новой Гвинеи антропологом Л. Кили было установлено, что сравнительные показатели мужской насильственной смертности в этих племенах в десятки раз превосходят соответствующие показатели Европы и США в XX в. и колеблются в диапазоне от 15 до 60 %, в зависимости от особенностей культуры, шаблонов межличностных взаимодействий, занимаемой территории [Keeley 1996]. При этом процент всех насильственных смертей в Европе и США

в XX в. (в том числе и в двух мировых войнах) слегка превышает 1 %. Таким образом, если бы показатели насильственной смертности только в войнах XX столетия (не считая бытового насилия и «мирных» политических репрессий) соответствовали первобытным, то потери составили бы не 120 миллионов человек, а 2 миллиарда.

Снижение показателей насилия характерно также для бытовых, в том числе внутрисемейных конфликтов. Например, убийства женами своих мужей сократились с 1,2 на 100 000 в 1976 г. до 0,2. Снижается и статистика убийств жен мужьями – с 1,4 до 0,8 за тот же период [Pinker 2011: 369].

Изменения претерпели и такие регламентированные формы насилия, как наказания. Одной из самых распространенных форм наказания в период Средневековья была смертная казнь. Причем порой смертный приговор выносился за такие нарушения, за которые в современном мире выносятся предупреждения или выписываются штрафы. Помимо «традиционных» и относительно «гуманных» способов умерщвления преступников, таких как отсечение головы или повешение, в арсенале палачей присутствовал широкий набор более изощренных методов: четвертование, колесование, распиливание, посажение на кол, утопление, закапывание заживо и т. д. А перед смертью провинившихся пытали с использованием таких инструментов, как раскаленные щипцы, шипастые груши, покаянные рубашки и свинцовые колпаки [Сансон 2008].

Так почему же столь сильна иллюзия небывалого роста насилия в современном обществе? Причину этого стоит искать в присущих человеческому восприятию особенностях – *ретроспективной аберрации* и прочих когнитивных иллюзиях.

Ретроспективная аберрация – иллюзорная оценка реальных исторических тенденций, при которой на фоне растущих потребностей объективно улучшающаяся ситуация сопровождается растущим ощущением неудовлетворенности (и наоборот) [Назаретян 2017: 112]. Как ни парадоксально, иллюзия беспрецедентного падения нравов в XX в. была спровоцирована вытеснением насилия из повседневной жизни.

Стоит отметить, что за несколько лет до выхода ставшей камнем преткновения книги Пинкера снижение показателей насильственной смертности в истории было зафиксировано российскими учеными. С начала 2000-х гг. был проведен междисциплинарный сравнительно-исторический анализ эволюционной динамики социального насилия [см., например: Буровский 2009; Назаретян 2009 и др.], результаты которого оказались близки данным, полученным западными коллегами.

Для объяснения парадоксального результата (с ростом убойной мощи оружия и плотности населения относительные показатели убийств сокращались!) была сформулирована рабочая гипотеза – модель *техно-гуманитарного баланса*, описывающая системную зависимость между технологическим потенциалом, качеством культурных регуляторов и внутренней устойчивостью общества [Назаретян 2015: 22]. Данная модель является социальным аналогом правила *этологического баланса*, действующего в животном мире.

Согласно правилу этологического баланса, существует прямая зависимость между естественной вооруженностью какого-либо вида и развитостью механизмов торможения внутривидовой агрессии. Одним из последних подтверждений этого правила стали исследования испанского биолога Х. М. Гомеса и группы его

коллег из университета Гранады. В результате изучения 1024 видов млекопитающих было выяснено, что у 40 % из них в той или иной форме присутствует летальная агрессия. При этом ученые делают оговорку, что данный показатель занижен в силу отсутствия полной информации по некоторым видам. Оказалось, что первое место среди млекопитающих по количеству внутривидовых убийств занимают сурикаты – небольшие пустынные зверьки, не имеющие длинных зубов и когтей. Показатель летальной агрессии в сообществах этих на первый взгляд безобидных животных составляет 19,36 %. Далее идут краснохвостые мартышки – 18,18 %, голубые мартышки – 17,7 % и краснолобые лемуры – 16,67 % [Gomez 2016: 233–237].

По аналогии с правилом этологического баланса, по закону техно-гуманитарного баланса чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства сублимации агрессии необходимы для сохранения социальной системы. Таким образом, снижение насильственных показателей было следствием развития технологий (не только боевых): социумы, не умевшие совершенствовать поведенческие шаблоны в соответствии с возросшей инструментальной мощью, последовательно «выбраковывались» из истории, разрушив природные и/или геополитические условия собственного существования.

Вышеописанная гипотеза дает объяснение тому, *как* и *почему* происходило сокращение насилия в истории, однако не отвечает в полной мере на вопрос, *куда* уходила подавляемая агрессия, не получавшая естественного выхода. Если процент убийств снижался, можем ли мы с полной уверенностью утверждать, что сокращался и общий объем социального насилия?

В последние годы в социальных и гуманитарных науках все больший вес приобретает теория *антропологических констант*, согласно которой существуют показатели (уровень социальных страхов, агрессия и т. д.), остающиеся неизменными на всех исторических этапах [Гутгенбуль 2000: 76]. Изменения претерпевают лишь их формы, возбудители и способы проявления. Имеются основания полагать, что общемировые показатели социального насилия также могут быть отнесены к числу антропологических констант [Назаретян 2009; Красиков 2009].

В этом случае перед нами встает закономерный вопрос: если показатели убийств в истории последовательно (хотя и нелинейно) сокращались, куда исчезало «нерастраченное» физическое насилие? Любой, даже самый примитивный акт насилия выражается одновременно в двух сферах: материальной, связанной с физическими проявлениями, и невещественной, порожденной смыслами, которые человек вкладывает в свои действия. Сознание не просто «отображает» внешний мир, а строит различные модели восприятия [Петренко 2016: 127]. Анализ литературы позволил предположить, что основным каналом «утечки» физического насилия служит его виртуализация как переход в символически опосредованные формы.

Сегодня под виртуальностью понимается искусственное пространство, созданное при помощи специальных программно-технических средств. Между тем первые представления о виртуальности встречаются уже в Античности. В частности, в диалогах Платона «Парменид» и «Тимей» говорится о существовании двух миров: совершенного мира образов и его грубой физической проекции [Платон 1993: 346–413; 1994: 421–501]. Идея пространства, содержащего в себе образ всех предметов, нашла продолжение в средневековой философии. Один из классиче-

ских примеров – рассуждения Николая Кузанского о семени, потенциально содержащем в себе взрослое дерево и все его переходные состояния [Кузанский 1980: 22–24]; значит, существует некое проектное поле, включающее все возможные образы и состояния объекта. Это своеобразный промежуточный мир, отделяющий абсолютную силу от ее вещественного проявления.

Сам термин «виртуальность» возник в XX в.: он был первоначально использован для описания вариационных принципов перемещения частиц в пространстве. При этом действительно значительное распространение идеи виртуальности произошло благодаря появлению понятия «виртуальная частица», которое используется в квантовой физике для обозначения ненаблюдаемых феноменов, обеспечивающих взаимодействие элементарных частиц. С развитием компьютерной техники этот термин получил неожиданно широкую популярность.

Если абстрагироваться от технических деталей, то виртуальная реальность представляет собой сконструированный искусственный мир, позволяющий человеку пережить определенный набор чувств, эмоций и ощущений. До появления компьютерной техники с задачей погружения сознания в пространство, отличное от физической реальности, справлялись такие виды массовой коммуникации, как картины, литературные произведения, спектакли, художественные фильмы и т. д. Существенное, но не принципиальное отличие ранней виртуальности от компьютерной состоит лишь в степени погружения. Если первые виртуальные носители (наскальные рисунки, картины, устные пересказы, книги, фильмы) задействовали один-два канала восприятия, то более поздние позволяют включить в процесс дополнительные органы чувств.

К числу основных свойств виртуальности традиционно относят порожденность, актуальность, автономность и интерактивность [Носов 2000: 33]. Все эти характеристики присущи не только виртуальности XX и XXI вв. Один из основателей психологического подхода к исследованию этого феномена Н. А. Носов показал, что любое творчество представляет собой переход в виртуальную реальность [Там же: 64]. При этом виртуальность рассматривается как чувственно-образное явление, существующее независимо от специализированной «системы погружения». Американский публицист Ф. Хэммит также связывает возникновение виртуальности с эволюцией знаковых систем искусства [Hammet 1993]. Аналогичную точку зрения можно найти и в работах Р. Барта, утверждающего, что любое литературное произведение использует собственный дискурс, создавая тем самым одномерную реальность [Барт 1994].

Таким образом, под виртуализацией насилия следует понимать процесс его вытеснения в искусственно созданные пространства рисунков, текстов, фильмов, игр и прочих СМИ. Признавая это свойство, советский режиссер С. М. Эйзенштейн писал о себе: «Жестокость, не нашедшая своего приложения к мухам, стрекозам и лягушкам, резко окрасила подбор тематики, методики и кредо моей режиссерской работы» [Эйзенштейн 1997: 12]. Но замечательной особенностью виртуального пространства является то, что для сублимации агрессии не обязательно, подобно Эйзенштейну, создавать его, достаточно просто в него погрузиться.

При этом в процессе эволюции виртуального пространства наблюдались его постепенная унификация и сокращение свободы воображения. Например, книга дает лишь общие описания внешности и взаимодействия персонажей, картины

событий и т. д. Детали и яркость возникающих образов ограничены лишь индивидуальными возможностями воображения. При просмотре фильма эта свобода значительно снижается, поскольку детальный образ героя и событий предстает перед глазами неизменным. Зритель может дополнить демонстрируемый образ лишь незначительными чертами, интерпретация обретает вполне определенные рамки. Как ни парадоксально, пространство, созданное при помощи специальной системы погружения (3D-изображение, объемный звук и прочие технические средства, максимально задействующие каналы восприятия), еще более унифицировано: оно включает в себя лишь те варианты развития событий, которые заранее прописаны в соответствующей программе.

Можно говорить о том, что в процессе историко-культурной эволюции происходит последовательная стандартизация не только социальной, но и виртуальной среды. Таким образом соблюдается *закон иерархических компенсаций*, согласно которому в системах со сложной иерархической организацией рост разнообразия на верхнем уровне обеспечивается его ограничением на предыдущих уровнях. В противном случае рост разнообразия на нижнем уровне приведет к разрушению системы [Назаретян 2017: 246–249].

Итак, представления о виртуальности имеют более глубокие корни, чем может показаться на первый взгляд, а возникновение самого феномена, вероятно, по времени совпадает с появлением первых предметных образов. По мнению американского психофизиолога У. Кеннона, существуют три варианта ответа организма на внешнюю угрозу: борьба, бегство и отсроченный ответ [Cannon 1963]. Возможность отсроченного ответа – стартовая точка сублимации агрессии и виртуализации насилия. Человеческая память, в отличие от психики животных, способна в мельчайших деталях удерживать предшествующий опыт, вызывать к жизни чувства и эмоции, испытанные ранее. Подавленные эмоции ненависти и ярости никуда не исчезают и либо в конечном итоге выливаются в акт физического насилия, либо сублимируются в виртуальную форму.

Косвенное подтверждение гипотезы о постепенном переходе насилия из физической сферы в виртуальную дают и нейробиологические исследования, показавшие, что в лимбической системе существуют группы нейронов, ответственных за переживание ярости и агрессии [Barinaga 1992: 887–888]. Согласно полученным К. Лоренцем данным, длительное отсутствие их стимуляции, а тем более устранение всех раздражителей способствует не уменьшению количества агрессивной энергии, а снижению порога возбудимости [Лоренц 1994]. То есть даже незначительное внешнее воздействие может спровоцировать резкий неконтролируемый насильственный всплеск. История изобилует примерами «полярных болезней» и «экспедиционного бешенства», когда люди, длительное время вынужденные находиться в обществе друг друга, конфликтуют по самым незначительным поводам, и порой эти конфликты выливаются в членовредительства и даже убийства.

Другим классическим примером реакции на дефицит негативных событий служит упомянутый ранее комплекс катастрофофилии, возникающий на фоне качественного улучшения жизни и длительного отсутствия серьезных потрясений.

Возможность сублимации агрессии в виртуальное пространство дает механизм переадресации [Там же]. Было установлено, что негатив, спровоцированный

неким внешним раздражителем, часто выливается не на источник воздействия, а на того члена группы, который имеет более низкий социальный статус, или на неодушевленные предметы. Именно возможность такой переадресации или сублимации дает основания надеяться, что при нахождении адекватного замещающего объекта, в качестве которого используется виртуальное пространство, эмоциональный заряд может быть «сброшен» безболезненным и физически ненасильственным способом.

На протяжении всей человеческой истории происходит эволюция коммуникативных средств, заключающаяся в повышении влияния за счет увеличения числа активизируемых каналов восприятия. Одним из самых популярных сюжетов, присутствующих в любом СМИ, остается насилие. По мере исторического развития происходило значительное увеличение объемов информации, и в XX–XXI вв. этот рост достиг небывалых величин. Ежегодно издается бесчисленное количество книг, выпускается множество фильмов и компьютерных игр, при этом сохраняется огромный массив доступных произведений, созданных в предыдущие периоды. Согласно традиционной точке зрения, обилие сцен насилия в литературе, кино и особенно компьютерных играх способствует повышению агрессивности аудитории и увеличению частоты насильственных актов. Между тем анализ соотношения физического и виртуального насилия в исторической ретроспективе дает обратные результаты. По мере технического развития способностей СМИ максимально «погружать» человека в воспроизводимое виртуальное пространство происходило снижение насильственных показателей [Балашова 2012].

Вероятно, виртуализация насилия является одним из множества механизмов, обеспечивающих устойчивость цивилизационной системы, и ответом на глобальные вызовы, брошенные стремительным развитием бытовых и оружейных технологий, импульсивное использование которых грозит ее обвалом. Однако мы не можем с полной уверенностью утверждать, что если данная тенденция была характерна для предыдущих исторических периодов, то она продолжится и в будущем. Возможно, существует некий предел адаптации психики и сокращения насильственных показателей. Этот вопрос требует дальнейших исследований, поскольку от широты адаптивного диапазона культурно-психологической саморегуляции может решающим образом зависеть судьба цивилизации на нашей планете.

Литература

Балашова Н. А. Физическое и виртуальное пространства реализации социального насилия // Историческая психология и социология истории. 2012. № 5. С. 136–147.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1994.

Буровский А. М. Бытовой фон насилия. Литературные размышления историка // Историческая психология и социология истории. 2008. № 1. С. 33–49.

Гуггенбюль А. Зловещее очарование насилия. СПб. : Академический Проект, 2000.

Красиков В. И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки. М. : Водолей, 2009.

Кузанский Н. О видении Бога / Н. Кузанский // Соч.: в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1980.

- Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М. : Прогресс-Универс, 1994.
- Назаретян А. П. Виртуализация социального насилия: знамение эпохи? (Развернутый комментарий к статье А. М. Буровского) // Историческая психология и социология истории. 2009. № 2. С. 150–170.
- Назаретян А. П. Нелинейное будущее: сингулярность XXI века как элемент Мегаистории // Век глобализации. 2015. № 2(16). С. 18–35.
- Назаретян А. П. Нелинейное будущее. 4-е изд. М. : Аргамак-Медиа, 2017.
- Носов Н. А. Виртуальная психология. М. : Аграф, 2000.
- Петренко В. Ф. Многополярная культура Единого Человечества // Век глобализации. 2016. № 1–2(17–18). С. 126–132.
- Платон. Парменид / Платон // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М. : Мысль, 1993.
- Платон. Тимей / Платон // Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М. : Мысль, 1994.
- Сансон А. Записки палача. М. : Эксмо, 2008.
- Урланис Б. Ц. История военных потерь: Войны и народонаселение Европы. СПб. : Полигон, 1994.
- Эйзенштейн С. М. Мемуары. М. : Труд, 1997.
- Элиас Н. О процессе цивилизации. СПб. : Университетская книга, 2001.
- Barinaga M. How Scary Things Get that Way // Science. 1992. No. 258. Pp. 887–888.
- Braumoeller V. F. Is War Disappearing? Manuscript. Ohio : The Ohio State University, 2016.
- Cannon W. The Wisdom of the Body. New York, NY : W. W. Norton, 1963.
- Cirillo P., Taleb N. N. On the Statistical Properties and Tail Risk of Violent Conflicts // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2015. Vol. 452. Pp. 29–45.
- Global Health Observatory Data Repository. 2017 // World Health Organization [сайт]. URL: <http://apps.who.int/gho/data/node.main.CODWORLD?lang=en>.
- Global Study of Homicide. Trends, Contexts, Data. N. p. : UNODC, 2011.
- Gomez J. M. The Phylogenetic Roots of Human Lethal Violence // Nature. 2016. No. 538. Pp. 233–237.
- Hammet F. Virtual Reality. New York, NY : Palgrave Macmillan, 1993.
- Keeley L. H. War before Civilization. The Myth of the Peaceful Savage. New York, NY : Oxford University Press, 1996.
- Pinker S. The Better Angels of Our Nature: Why Violence has Declined. New York, NY : Viking Press, 2011.
- Sloterdijk P. Kritik der zynischen Vernunft. Bd. 1 und 2. Frankfurt am Main : Edition Suhrkamp, 1983.
- Ulfelder J. About That Apparent Decline in Violent Conflict. 2015 // Dart-throwing Chimp [сайт]. URL: <https://dartthrowingchimp.wordpress.com/2015/05/22/about-that-apparent-decline-in-violent-conflict>.
- World Report on Violence and Health / Ed. by E. G. Krug, L. L. Dahlberg, J. A. Mercy, A. B. Zwi, R. Lozano. Geneva : World Health Organization, 2002.